

ЭКСПЛИКАЦИЯ ОППОЗИЦИИ СВОЁ – ЧУЖОЕ В РОМАНЕ В. АКСЁНОВА «ОСТРОВ КРЫМ»

Аблаева А.Т.

Крымский инженерно-педагогический университет

Статья посвящена анализу романа В. Аксёнова «Остров Крым» в имагологическом аспекте. Исследование предусматривает рассмотрение изображенного автором крымскотатарского мира, персонажей – крымских татар в преломлении оппозиции своё – чужое. Выявлен основной принцип изображения персонажей – крымских татар в романе и определена их роль в развитии сюжета произведения.

Ключевые слова: имагология, своё – чужое, В. Аксёнов, «Остров Крым», система образов, крымские татары.

Понятие *имагология* не так давно вошло в лексикон ученых-филологов. Первым в России новое направление в литературоведении стал развивать В. А. Хорев [10, с. 19]. Основное внимание в имагологии отведено изучению образа *чужого* (чужой страны, народа и т.д.) в художественной литературе как одной из форм общественного сознания. Имагология ставит своей задачей выявить «истинные и ложные представления о жизни других народов, стереотипы и предубеждения, существующие в общественном сознании, их происхождение и развитие, их общественную роль и эстетическую функцию в художественном произведении» [17, с. 23].

Новое направление в литературоведении требует от учёного не только знаний в области истории, культуры народа, страны, которые стали объектами его исследования, но и уважения и такта к ним. «В имагологическом подходе к материалу исследователю приходится обращаться как к объективным явлениям, так и к эмоционально окрашенным, часто намеренно или не намеренно деформированным» [10, с. 21].

Проблемы имагологии отражены в трудах российских ученых Е. Артемовой [2], В. Лукова [7], С. Мезина [8], А. Ощепкова [13], С. Мусиенко [10], Е. Папиловой, О. Полякова [15, 16] и др. В Украине имагологическими исследованиями занимаются Н. Ищенко [5], В. Орехов [12], Д. Наливайко [11], Н. Колошук [6] и др. Указанные исследования послужили теоретической основой анализа.

Постановка проблемы. Исследования, посвященные изучению оппозиции *своё – чужое* через призму системы образов в творчестве В. Аксёнова, отсутствуют.

Цель статьи заключается в анализе образов крымских татар в имагологическом аспекте.

Поставленная цель предусматривает решение следующих задач:

1. Выявить основной принцип изображения персонажей – крымских татар в романе и определить их роль в раскрытии сюжета произведения.
2. Охарактеризовать психологическую оппозицию своё – чужое, представленную в системе персонажей.
3. Определить авторское отношение к персонажам – крымским татарам.

Актуальность и новизна исследования определяются необходимостью на современном методологическом уровне собрать и систематизировать эмпирический материал, связанный с характером изображения крымских татар в романе В. Аксёнова «Остров Крым». Заполнение этой лакуны обеспечит новый аспект осмысления крымскотатарского мира в его различных проявлениях – политическом, социологическом, культурном и других.

Ученые не пришли к однозначному выводу относительно жанра этого произведения: оно представляет собой синтез утопии и антиутопии. По некоторым формальным признакам произведение можно отнести к жанру фантастики – Крым представляется островом в бассейне Чёрного моря: отступающая Белая армия разрушила перешеек, соединявший полуостров с материком. Роман рассматривают также в аспекте альтернативной истории, главная специфика которой заключается в стремлении автора рассмотреть ход исторического процесса с внесенными в него изменениями – в рамках модели «что было бы, если...» [4, с. 134].

Роман создавался в 70-х годах, был завершён летом 1979 г. в Коктебеле. Как известно, в те годы на полуострове не было крымских татар: они подверглись тотальной депортации в мае 1944 года. Тем не менее крымскотатарский мир нашел своё отражение в содержании романа.

Система персонажей в романе представлена людьми разных национальностей и возрастов. Самые молодые относят себя к новой формации *яки*, «составленной из потомков татар, итальянцев, болгар, греков, турок, русских войск и британского флота» [1, с. 26]. Говорят представители этой «нации» на искусственном языке-жаргоне – смеси русского, английского и крымскотатарского языков: само слово *яки* сформировалось из тат. *якии* + англ. *о'кей*; ср. также *холоитуй* < англ. *холоидэй* + тат. *сабантуй* 'праздник'.

Крымскотатарский мир представлен небольшим количеством персонажей: *яки* Муста Фа (он же Мустафа), темнокожая певица Заира, садовник Карим, безымянные отец Мустафы, «исламский руководитель татарского народа Крыма» и советник по печати ханского двора.

В центре внимания автора находится экспансивный 20-летний Муста Фа – потомок Ахмет-Гирея, сына крымского хана: *Скосил глаза вправо – вдохновенное, с пылающими глазами лицо юного татарчонка. Мустафа, подумал Лучников, вот как его зовут. Какой же он яки – настоящий крымский татарин, может быть, с каплей греческой крови. Они сейчас все переделывают свои имена, формируют нацию, наивные ребята – мой Тон Луч, этот Муста Фа...* [1, с. 328].

Особый интерес автора к крымскотатарскому миру проявляется в использовании им языковых средств, «притягивающих» внимание читателя: *мы здесь, на Острове, все, и даже* (выделено мной – А.А.) *татары* <...> [1, с. 280]; *Коренное население, то есть крымские татары, конечно* (выделено мной – А.А.), *будут нетронуты* <...> [1, с. 320]. О присутствии крымских татар на полуострове говорят разного типа крымскотатарские онимы: топонимы – *Карачель, Бахчи Эли, Альма-Тархан,*

Ак Мечеть, Сары-Булат, Кучук-Узень, Туак, Капсихор, антропонимы: Мустафа, Заура, Карим, Ахмет-Гирей. В тексте встречаются слова и выражения из крымскотатарского языка: *якши* 'хорошо', *кара кизим* 'черная дочка', а также слова, называющие исламские реалии: *мулла*, *минарет*, *гяур* и т.д. Автор подчеркивает и традиционное почитание старших у крымских татар (один из постулатов ислама): *Знайте, что не плюю вам в лицо только из-за уважения к вашему возрасту* [1, с. 419], – говорит Мустафа Андрею Лучникову.

На первый взгляд концепт *чужое* по отношению к крымским татарам в романе не эксплицирован, их с персонажами-русскими объединяют общие политические взгляды, формирующая культура яки, их «новояз»: *<...> мы здесь, на Острове, все, и даже татары, каким то образом причисляем себя к русской культуре* [1, с. 280]. Свои русские, с которыми Мустафа был объединен общей «островной» идеей, после её краха становятся ему *чужими*. *Мусульманин не должен принимать участия в варварских забавах гяуров. Затем и отец, богатейший плантатор, выгнал сына: иди к своим (выделено мной – А. А) русским!* [1, с. 399]. Когда идеология яки начала распадаться, между русским и татарским мирами возникает конфликт, выраженный в реплике Мустафы лексикой и синтаксисом противостояния: *Вы – русские! Я татарин!* [1, с. 328].

В Мустафе просыпается национальное самосознание, он ощущает свою индивидуальность и причастность к крымскотатарскому миру; он уже не считает себя яки, теперь русские для него *чужие*: *Я Мустафа, а не Маста Фа, – яростно говорил он. – К черту яки! В жопу русским! <...> Я татарин! – Клокочущая крымская речь, перепутанные англо русско татарские экспрессии, плевок под ноги* [1, с. 419]. Вспышка гнева, однако, в Мустафе быстро гаснет: он извиняется перед Лучниковым, рассказывает о судьбе его сына Антона и даже обращается к нему, используя крымскотатарскую этикетную форму, выражающую уважение: *Прости меня, Андрей ага, – прокричал Мустафа. – У меня был нервный срыв* [1, с. 421].

Вплоть до конца романа Мустафа находится рядом с Лучниковым, он выражает ему свое восхищение, но всё же не разделяет его политических взглядов: *Я знаю вашу концепцию, ага, – сказал Мустафа, – следил за всеми вашими речами. Не понимаю. Извините, я преклоняюсь перед вами – человеком, спортсменом, мужчиной, но, когда я думаю о вашей концепции отвлеченно, вы представляетесь мне горбатым и зловным уродом из подвалов Достоевского...* [1, с. 426].

Особое отношение автора к персонажам – крымским татарам проявляется не только на текстовом, но и подтекстовом уровнях. Вот, например, информация о действиях крымскотатарского хана: *Пресс-конференция в Бахчисарае. Советник по печати ханского двора делает заявление журна-*

листам. Его высочество исламский руководитель татарского народа Крыма призывает своих подданных голосовать за Союз Общей Судьбы и выражает уверенность, что в составе великого Советского Союза Крым сможет внести более солидную лепту в движение неприсоединения, укрепить антиимпериалистический фронт своих братьев по вере [1, с. 380]. Приведённый выше дискурс представляет собой свёрнутую стилистическую фигуру – антитезу, второй член которой, не выраженный в тексте, а извлечённый из подтекста путём выводного следствия, может быть «прочитан» искушённым, знающим историю читателем как выражение сочувствия многострадальному крымскотатарскому народу, имевшему в прошлом свою великую государственность (Крымское ханство, 1441–1783 гг.).

В одном из последних эпизодов главный герой ласково треплет юношу-татарина по щеке: *В последний момент он поймал на себе взгляд юноши и не увидел в нем ни презрения, ни гнева, а только лишь щенячью тоску* [1, с. 419]. Во взаимопонимании зрелого политика Андрея Лучникова и юного татарина Мустафы угадывается перспектива их возможного единения против общего врага.

Отношение автора к изображённым в романе персонажам – крымским татарам можно интерпретировать как положительное. Как человек, близкий к диссидентскому движению, В. Аксёнов не мог не знать о трагедии крымскотатарского народа, в одночасье лишённого родины и своей государственности (Крымская Автономная Республика, 1921–1945 гг.), рассеянного по разным регионам Советского Союза и обречённого на тотальную ассимиляцию. Думается, что пребывание автора в Крыму в момент завершения работы над романом, где всё напомидало о татарах (ср. Чичибабинское: *Как непристойно Крыму без татар!*), во многом способствовало обострению его внимания к трагедии коренного народа Крыма.

Существует мнение, что образ Андрея Лучникова, являясь собирательным, всё же имеет некоторые черты, связывающие его с автором: авантюризм, род занятий, политические взгляды [3]. Следовательно, отношение протагониста к крымским татарам может быть экстраполировано на автора.

Таким образом, в романе «Остров Крым» персонажи – крымские татары выполняют сюжетообразующую функцию, участвуя во многих ключевых, кульминационных моментах повествования, а также служат экспликацией концептуальной оппозиции *своё – чужое*, которая претерпевает к концу романа значительную трансформацию. Структурообразующая и аксиологическая функции оппозиции *своё – чужое* способствуют объёмному осмыслению разнообразных проявлений крымскотатарского мира. Отношение В. Аксёнова к крымским татарам можно интерпретировать как сочувственное, о чем говорит выражение авторского «я» на текстовом и подтекстовом уровнях.

Список литературы:

1. Аксёнов В. П. Остров Крым / В. П. Аксёнов. – М.: ЭКСМО, 2010. – 448 с.
2. Артемова Е. Ю. Культура России глазами посетивших ее французов (последняя треть XVIII века) / Е. Ю. Артемова // Под ред. Л. Н. Пушкарева. – М., 2000. – 178 с.
3. Балужева А. Василий Аксёнов «Остров Крым» [электронный ресурс] / А. Балужева // Комсомольская правда. – Режим доступа: <http://m.kp.ru/daily/26248.3/3128278/>
4. Воробьёва С. Ю. «Остров Крым» В. Аксёнова: эстетика комикса / С. Ю. Воробьёва // Сопоставительная филология и полилингвизм: материалы IV Международной конференции. Том 2. Аксёновские чтения (Казань 26–29 ноября) 2013 / Под ред. Т. Г. Прохоровой. – Казань: Казанский государственный университет, 2013. – С. 4–11.

5. Дадаян Э. Г. Роман В. П. Аксенова «Остров Крым» как альтернативная антиутопия / Э. Г. Дадаян // Университетские чтения – 2009 [материалы науч.-метод. чтений ПГЛУ] / отв. ред. З. А. Заврумов.– Пятигорск: ПГЛУ, 2009. – С. 133–137.
6. Ищенко Н. А. Перо сильнее, чем клинок. Мифология крымской войны 1853 – 1856 годов в литературе Великобритании второй половины XIX века: монография / Н. А. Ищенко. – Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография», 2007. – 324 с.
7. Колошук Н. Г. «Свои» и «чужие» в романе И. Сельвинского «О, юность моя!» (имагологический аспект) / Н. Г. Колошук // Вестник Крымских чтений И. Л. Сельвинского. Симферополь: Бизнес-Информ, 2013. – Вып. 10. – С. 48–67.
8. Луков В. А. Россия и Европа: диалог культур во взаимном отражении литератур / В. А. Луков // Знание. Понимание. Умение. – М., 2007. – № 1. – С. 124–131.
9. Мезин С. А. Стереотипы России в европейской общественной мысли XVIII века / С. А. Мезин // Вопросы истории. – Волгоград, 2002. – № 10. – С. 148–157.
10. Михальская Н. П. Образ России в английской художественной литературе IX–XIX вв. / Н. П. Михальская. – М., 1995. – 257 с.
11. Мусиенко С. Ф. Имагология в интерпретации В. А. Хорева / С. Ф. Мусиенко // Лингвистика и методика в высшей школе. Вып. 4: сб. науч. ст. : 80-летию Виктора Александровича Хорева посвящается / – Гродно: Типография Зебра, 2012. – С. 19–43.
12. Наливайко Д. С. Спільність і своєрідність. Українська література в контексті європейського літературного процесу. – К., 1988. – 394 с.
13. Орехов В. В. Русская литература и национальный имидж. (Имагологический дискурс в русско-французском литературном диалоге первой половины XIX века) / В. В. Орехов. – Симферополь: АнтикВА, 2006. – 608 с.
14. Ощепков А. Р. Имагология / А. Р. Ощепков // Знание. Понимание. Умение. – М., 2010. – № 1. – С. 251–253.
15. Папилова Е. В. Имагология как гуманитарная дисциплина / Е. В. Папилова // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. – 2011. – № 4. – С. 31–40.
16. Поляков О. Ю. Имагология в междисциплинарном научном пространстве [Текст] / О. Ю. Поляков // Вестник ВятГГУ. – 2008. – № 4(2). – С. 8–10.
17. Поляков О. Ю. Имагология и компаративистика (о национальных стереотипах в диалоге культур) [Текст] / О. Ю. Поляков, О. А. Полякова // Русско-зарубежные литературные связи. Вып. 4: межвуз. сб. науч. тр. / [под ред. Н. М. Ильченко]. – Н. Новгород: НГПУ, 2010. – С. 170–172.
18. Хорев В. А. Имагология и изучение русско-польских литературных связей / В. А. Хорев // Поляки и русские в глазах друг друга. – М.: Индрик, 2000. – С. 22–32.

Аблаева А.Т.

Кримський інженерно-педагогічний університету

ЕКСПЛІКАЦІЯ ІМАГОЛОГІЧНОЇ ОПОЗИЦІЇ СВОЄ – ЧУЖЕ В РОМАНІ В. АКСЬОНОВА «ОСТРІВ КРИМ»

Анотація

Стаття присвячена вивченню роману В. Аксєнова «Острів Крим» в імагологічному аспекті. Дослідження передбачає аналіз зображення автором кримськотатарського світу, персонажів – кримських татар в переломленні опозиції своє – чуже, виявлення основного принципу зображення персонажів – кримських татар у романі та визначення їх ролі й місця у творі.

Ключові слова: імагологія, своє – чуже, В. Аксєнов, «Острів Крим», система образів, кримські татари.

Ablaeva A.T.

Crimean Engineering and Pedagogical University

EXPLICATION OF IMAGOLOGICAL OPPOSITION «OWN» – «ALIEN» IN V. AKSYONOV'S NOVEL «OSTROV KRYM»

Summary

The article is dedicated to the study of V. Aksyonov's novel «Ostrov Krym» in an imagological aspect. The research involves an analyses of the author's depiction of a Crimea Tatar world, Crimean Tatar characters in interpretation of an opposition «own» – «alien», identification of the main principle of characters depiction – Crimean Tatars in the novel and determination of their role and place in the literary work.

Keywords: imagology, own-alien, character system, Ostrov Krym, V. Aksyonov.